

ГЛАВА IV

КРИТИКА ПЛЕХАНОВЫМ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

Особенно большое внимание уделял Плеханов анализу философии и творчества Л. Н. Толстого. В статье «Симптоматическая ошибка» (1907) он пишет, что самый факт существования в России таких писателей — одно из ручательств за ее лучшее будущее. Толстой велик как художник, но его сектантство свидетельствует об ограниченности общественных взглядов. Плеханов критикует оппозиционные органы печати за опубликование статьи Толстого «Не убий никого». Естественно, сама мысль о том, что убивать никого не следует, не вызывает сомнений. Вопрос заключается, однако, в том, что препятствует ее осуществлению, и какими средствами это можно устранить. Ответ Толстого на этот существенный вопрос содержит в себе осуждение всего освободительного движения в России. Для подтверждения своей точки зрения Плеханов приводит следующие строки из статьи Толстого «Не убий никого»: «Так что большинство людей, действующих теперь в России под предлогом самых разноречивых соображений о том, в чем заключается благо общества, в сущности, руководятся только своими эгоистическими, почти животными побуждениями». В этих строках черносотенцы поставлены на одну доску с участниками освободительного движения, и вся революционная борьба объявляется плодом эгоистических, животных побуждений. Такое отношение к освободительному движению Толстой выразил и в своем произведении «Божеское и человеческое»¹. «Я давно знаю, — пишет Плеханов, — что гр. Л. Н. Толстой — «толстовец», и я прекрасно понимаю, что всякий истинный «толстовец» не может не быть врагом движения, подобного тому, которое совершается теперь в нашей стране: всякое сектантство имеет свою логику»².

В статье «К психологии рабочего движения» (1907) Плеханов касается доктрины Толстого о непротивлении злу насилием. Он обращает внимание на то, что великий русский писатель подкрепляет свое учение элементарным арифметическим расчетом. «Противопоставление насилия злу представляется нашему аристократическому «учителю жизни» в виде наказания смертью за убийство: убийство + убийство = двум убийствам. Выражая это в общей формуле, получаем: *насилие + насилие = двум насилиям*. А потом — новое убийство и новая смертная казнь, т. е. еще одно убийство. Зло не устраняется здесь насилием»³. Таким образом, Толстой считает, что противопоставлять насилие злу — значит не устранять зло, а прибавлять новое зло к старому. Показывая несостоятельность суждений Толстого по данному вопросу, Плеханов отмечает, что преступность всякого данного общества находится в зависимости от его устройства. Пока не изменилось это устройство, нет оснований ждать уменьшения преступности. Но палач и не стремится к этому. «Ясно, что странно было бы ждать от насилия, практикуемого палачом, уменьшения зла, выражающегося в преступности. А если бы насилие изменило к лучшему общественное устройство, если бы оно устранило значительную часть тех *причин*, которыми вызывается преступность, то оно привело бы *не к умножению зла, а к его уменьшению*»⁴. Плеханов констатирует, что вся аргументация Толстого становится беспочвенной, едва только точка зрения уголовного возмездия уступает свое место точке зрения общественного устройства. Однако Толстой никогда не становился на эту точку зрения, так как он был пропитан аристократическим консерватизмом⁵.

В статье «Толстой и природа» (1908) Плеханов восхищается мастерством великого русского писателя в изображении природы, до которого еще никто не поднимался. Однако Толстой восторгался только такой природой, которая пробуждала в нем сознание единства с ней. Толстой говорил о том, что под воздействием красоты природы у него появляется желание долго жить, а мысль о смерти ужасает. По мнению Плеханова, эта мысль и сыграла большую роль в процессе выработки тех взглядов, совокупность которых составляет так называемое толстовство. Характерно, что Толстой сильнее

всего испытывал чувство страха перед смертью, когда больше всего проникался сознанием своего единства с природой. Он содрогался при одной мысли о том, что со временем исчезнет противоположность между его «Я» и тем прекрасным «не-Я», которое составляет окружающий его мир. В течение длительного времени Толстой считал, что если нет бессмертия, то и жить не стоит⁶.

В разные исторические эпохи люди по-разному воспринимали мысль о смерти и личном бессмертии. Фейербах, например, доказывал, что стремление к личному бессмертию утвердилось среди европейцев со времен Реформации — религиозного выражения характерного для нового времени индивидуализма. Справедливость суждений Фейербаха доказывает по-своему и Толстой в рассказе «Три смерти». Умиравшая барыня испытывает сильный страх перед смертью, в то время как неизлечимо больному ямщику Федору это чувство не присуще. Здесь нашло выражение различие их социального положения. В новое время в странах Европы высшие классы были проникнуты индивидуалистическими настроениями в гораздо большей степени, нежели низшие. Но чем больше люди оказывались под влиянием таких настроений, тем прочнее укрепляется страх перед смертью. Толстой относится к числу самых гениальных и крайних представителей индивидуализма, который получил отражение как в его художественных произведениях, так и в публицистических статьях. Он наложил печать и на отношение Толстого к природе и жизни⁷.

Для Толстого личное бессмертие являлось психологической необходимостью. Проникаясь сознанием своего единства с природой, он не мог смириться с мыслью о загробном бессмертии и мечтал о таком бессмертии, при котором продолжала бы существовать противоположность между его личным «Я» и «не-Я» природы. Он не находил ничего утешительного в христианской идее о бессмертии души, ему нужно было бессмертие тела. Трагедией его жизни явилась истина, что такое бессмертие невозможно⁸. Плеханов, далее, пишет: «Это, конечно, не похвала. И это, разумеется, не упрек. Это простое указание на тот факт, который необходимо должен будет принять во внимание всякий тот, кто захочет понять психологию великого писателя русской земли»⁹.

В работе «О так называемых религиозных исканиях

в России» (1909) Плеханов снова возвращается к воззрениям Толстого. Он отмечает, что великий писатель считал свою религию свободной от всякого «сверхъестественного» элемента. В понимании Толстого сверхъестественное есть синоним неразумного и бессмысленного. Он высмеивал людей, считавших сверхъестественное главным признаком религии¹⁰ и утверждал, что «религия есть определение отношения человека к началу всего и вытекающего из этого положения назначения человека и из этого назначения правил поведения»¹¹. Толстой писал: *«Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками»*¹². По мнению Плеханова, эти два определения религии в сущности совершенно тождественны. Они представляются очень странными и неизбежно вызывают вопрос: почему это надо называть религией? Определить свое отношение к «началу всего» или окружающей этой человека «бесконечной жизни» — еще не значит быть религиозным¹³. Плеханов задает вопрос: «В чем же тут дело? Мне кажется, что все дело тут в одном слове: «назначение». Л. Н. Толстой думает, что, определив свое отношение к «началу всего», человек тем самым определит свое «назначение». Но «назначение» предполагает, во-первых, тот предмет или то существо, которому оно *дается*, — в интересующем нас случае, человека, а во-вторых, то существо или ту силу, которое (или которая) *дает* человеку его «назначение». И это существо или эта сила, очевидно, обладает сознательностью: иначе оно не могло бы давать человеку его «назначение», ставить перед ним определенную задачу»¹⁴.

Толстой выступал против внушения людям веры в то, что бог послал на землю сына своего с целью искупления грехов Адама и установил свою церковь, которой надо повиноваться. Людям необходимо внушать, считал он, что бог есть дух, проявление которого живет в них. Толстой по существу предлагал внушать людям анимистические представления. Он утверждал, что все сознательное, заложенное в человеке, есть дух. Но если явления природы обязаны своим происхождением духу, то последний стоит над природой, он должен быть признан сверхъестественным существом. Отсюда следует, что

Толстой ошибался, когда считал свою религию свободной от веры в сверхъестественное¹⁵.

Ошибку Толстого Плеханов объясняет его отождествлением сверхъестественного с бессмысленным и неразумным. Поскольку собственную веру в бытие бога Толстой считал проявлением самого здравого смысла и высшего разума, то он объявил, что в его религии сверхъестественное отсутствует. Толстой не учитывал того факта, что вера в сверхъестественное равнозначна признанию существования духов. В различные исторические периоды анимизм (вера в духов) видоизменяется до такой степени, что люди одной эпохи считают бессмыслицей ту веру в сверхъестественное, которая воспринималась как проявление высшего разума людьми другой эпохи. Эти расхождения между людьми, придерживающимися анимизма, нисколько не устранили их веры в существование сверхъестественных сил. Только благодаря такой вере они обрели религию. На примере воззрений Толстого еще раз получила доказательство та истина, что религии, чуждой анимистических представлений, быть не может¹⁶. «Л. Н. Толстой — анимист, и его нравственные стремления окрашиваются в религиозный цвет лишь в той мере, в какой они сочетаются с верой в бога, который есть «дух» и который определил назначение человека»¹⁷.

В статье «Отсюда и досюда» (1910) Плеханов возражает публицисту Володину, провозгласившему: «С Толстым радостно. Без Толстого страшно жить». По мнению Плеханова, дело обстоит как раз наоборот: «жить с Толстым» так же страшно, как «жить», например, с Шопенгауэром. При этом имеется в виду Толстой-мыслитель, а не Толстой-художник. Сам Толстой пишет о себе: «Я пришел ведь к вере потому, что, помимо веры, я ничего, наверное, ничего не имею, не нашел, кроме гибели». Таким образом, человек, который стал бы приверженцем идей Толстого, тоже рисковал погибнуть. Толстой спасся от гибели верой. Однако человек, проникшийся настроениями Толстого, но не нашедший удовлетворения в его вере, окажется в незавидном положении. У него останется только один выход: гибель¹⁸.

Плеханов показывает тот путь, который привел Толстого к его вере. Великий русский писатель говорил, что

пришел к вере благодаря исканию бога. Это искание представляло собой не рассуждение, а чувство, оно вытекало из сердца и было даже противоположно мыслям. Плеханов считает, что в данном случае Толстой выражается неточно. В действительности его искание бога вовсе не исключало рассуждения. Логические операции Толстого совершались на основе сильного чувства страха и одиночества. Только это чувство может служить объяснением того факта, что Толстой не замечал слабой стороны своих рассуждений. Верования Толстого чрезвычайно глубоко проникли в его душу. В «Исповеди» он пишет, что христианские идеи всегда были ему близки. Действительно, Толстому была близка основа не только христианского, но и всякого религиозного мировоззрения: анимистический взгляд на отношение «конечного» к «бесконечному». Толстой страдал, когда его рассудок отвергал известные ему доказательства бытия божия. Утешение он находил в мысли о существовании бога. Главное доказательство этому Толстой сводил к рассуждению о том, что не мог же он без всякого повода, причины и смысла явиться на свет. «Не могу я скрыть от себя, что любя родил меня кто-то. Кто же этот кто-то? — Опять бог». По мнению Плеханова, так рассуждают все религиозные люди, верящие в существование бога. Главная отличительная черта такого рассуждения — его полнейшая логическая несостоятельность. Оно предполагает доказанным то, что требуется доказать: существование бога. Признав бытие бога и представив его себе по своему собственному образу и подобию, человек затем уже без особого труда объясняет все явления природы и общественной жизни¹⁹.

Толстому жизнь представлялась возможной только тогда, когда он становился на теологическую точку зрения. Жизнь мира управляет чья-то воля. Чтобы понять смысл этой воли, надо исполнить ее веления. «Чья-то воля» является единственным источником истины и добра. Если бы ее не было, люди погрязли бы в зле и заблуждении. Толстой по существу опустошал человеческую душу. Все, что в ней есть хорошего, он приписывал «чьей-то воле», создавшей человека, как и весь остальной мир. Выражаясь более точно, Толстой считал человеческую душу пустой и стремился наполнить ее добрым содержанием. Не обнаружив источника в ней самой,

он апеллировал к «чьей-то воле». Толстой, как и другие люди, стоящие на теологической точке зрения, был не в силах правильно объяснить явления природы и общества. Его объяснения как карточные домики разлетаются от первого прикосновения серьезной критики²⁰.

Плеханов, пытаясь выяснить, как возникло у Толстого его предположение о пустоте человеческой души, обращается к «Исповеди» великого русского писателя. Толстой рассказывает, почему он остался в стороне от идейного движения 60-х гг. и жизнь его сосредоточилась на семье, на заботах об улучшении ее материального положения. По словам Толстого, он стал все чаще испытывать минуты тяжелого пессимизма и недоумения. Анализируя это высказывание Толстого, Плеханов приходит к выводу, что забота о личном счастье его не удовлетворяла, а забота о народном благосостоянии не увлекала. В итоге — душевная пустота, которую нужно было чем-то заполнить. Поневоле ему пришлось повернуться от земли к небу, иначе говоря — «в чьей-то воле» искать ответ на вопрос о смысле жизни²¹. Плеханов считает, что «в этом и заключается загадка того, что Толстой не заметил несостоятельности своих детских верований. Точка зрения теологии оказалась неизбежной в его положении. *Он не сам опустошил свою душу; ее опустошила окружающая его обстановка.* А когда он почувствовал ее пустоту и захотел заполнить ее каким-нибудь содержанием, то по указанной причине он не мог найти другого содержания, кроме того, которое шло сверху, диктовалось «чьей-то волей». В этом все дело»²².

Уточняя сказанное, Плеханов утверждает, что мысль о народном счастье не имела силы над Толстым. Поэтому он и остался в стороне от русского освободительного движения. Прежде Толстой спокойно пользовался теми жизненными благами, которыми обладал вследствие своего привилегированного положения, с течением времени пришел к убеждению, что эксплуатация народа безнравственна. Он решил, что «чья-то воля» запрещает ему эксплуатировать людей. Однако Толстой не понял, что недостаточно самому отказаться от присвоения чужого труда, а необходимо содействовать созданию таких общественных условий, при которых исчезла бы эксплуатация одного класса другим. Учение Толстого о нравственности сводилось к следующим положениям: «Не

сердись. Не блуди. Не клянись. Не воюй». Эта отрицательная нравственность в своей односторонности стояла несравненно ниже той положительной морали, которая выработалась среди людей, борющихся за счастье всего народа. И тем не менее многие из них по-прежнему видели в Толстом своего учителя. Этому имеется только одно объяснение: тяжелая жизненная обстановка поколебала в сочувствующих русскому освободительному движению веру в свое собственное учение. Но настанет день, когда люди, не довольствуясь отрицательной нравственностью, убедятся в том, что их учителем моральных принципов Толстой быть не может²³.

Смерть Толстого взволновала весь цивилизованный мир. Но Плеханов отмечает, что одни люди «просто любят» Толстого, а другие любят его «отсюда и досюда». «Просто любят» русского писателя идеологи высших классов, не имеющие широких общественных интересов, готовые довольствоваться отрицательной нравственностью и стремящиеся заполнить свою душевную пустоту религиозными исканиями. «Отсюда и досюда» любят Толстого сознательные представители трудящегося народа, которые давно нашли смысл своей жизни в движении к великой общественной цели²⁴. «Люди этого второго разряда ценят в Толстом такого писателя, который, хотя и не понял борьбы за переустройство общественных отношений, оставшись к ней совершенно равнодушным, глубоко почувствовал, однако, неудовлетворительность нынешнего общественного строя. А главное, они ценят в нем такого писателя, который воспользовался своим огромным художественным талантом, для того чтобы наглядно, хотя, правда, только эпизодически, изобразить эту неудовлетворительность»²⁵.

* * *

К учению Толстого возвращается Плеханов и в статье «Смешение представлений» (1910—1911). Он отмечает, что чем больше толкуют о Толстом, тем больше затемняют истинную сущность его доктрины, которую сам Толстой определял как правильно понятое учение Христа о непротивлении злу. В книге «В чем моя вера?» (1883) Толстой утверждает, что эти слова дали ему воз-

можность хорошо разобраться в содержании евангелий. Все, что было запутано — стало понятно, что носило противоречивый характер — стало казаться согласованным между собой. Для Толстого характерно пренебрежение «телом» во имя «духа», что было когда-то свойственно христианам. Толстой также считает, что мирское и временное следует заменить вечным. Противопоставление мирского и временного вечному имеет у него тот же смысл, что и противопоставление тела — духу. Доктрина Толстого о непротивлении злу целиком основана на этом противопоставлении. У него оно равносильно противопоставлению внутреннего человеческого мира окружающему его внешнему. Тело всякого индивида, как и тело каждого из его близких, рассматривается при этом как составная часть внешнего мира. В данном случае здесь — один из способов противопоставления сознания бытию. У Толстого он приобретает ярко выраженный характер, вследствие чего наглядно проявляются все свои собственные ему противоречия²⁶.

Конкретизируя высказанные мысли, Плеханов утверждает, что Толстой в своем мировоззрении остается крайним идеалистом. В его глазах материализм представляет собой чистейшую бессмыслицу. Когда Толстой начинает играть роль учителя жизни, он целиком становится на точку зрения полной независимости внутреннего мира от внешнего. Так, Толстой заявляет, что люди должны искать причины своего бедственного положения не во внешних условиях жизни, а во внутреннем мире, рассматриваемом под углом нравственных потребностей и стремлений. «Стоит только человеку или обществу людей вообразить, что испытываемое им зло происходит от внешних условий, и направить свое внимание и силы на изменение этих внешних условий, и зло будет только увеличиваться. Но стоит человеку или обществу людей искренно обратиться на себя и в себе и в своей жизни поискать причины того зла, от которого он или оно страдает, и причины эти тотчас же найдутся и сами собой уничтожатся». Приводя это высказывание Толстого, Плеханов отмечает, что дальше уже нельзя идти в провозглашении независимости внутреннего мира человека от внешних условий. Если внутренний мир совершенно не зависит от внешних факторов, то нет никакой надобности влиять на них в интересах внутреннего мира²⁷.

Обращаясь к рабочим, Толстой советует им не служить в армии и не работать на землях помещиков. Но такой совет он дает потому, что это — «дурное дело», а не потому, что хочет воспрепятствовать порабощению трудящихся. Согласно заявлению Толстого, положение рабочих улучшится только в том случае, если они сами будут чаще поступать в соответствии с волей бога, если станут более нравственными, чем прежде. По словам Плеханова, такое объявление независимости внутреннего мира от внешнего равнозначно провозглашению ненужности воздействия человека на окружающие его условия жизни. И Толстой действительно отстаивает эту ненужность. Он утверждает, что по учению Христа нельзя никому ничего предписывать, никого ни в чем упрекать, никого осуждать, т. е. нельзя ничего делать для исправления внешнего мира. Единственное, что можно и что всегда будут делать христиане — это чувствовать себя блаженными²⁸. Приводя эти высказывания Толстого, Плеханов спрашивает: «Но в таком случае какой же смысл имеет знаменитое толстовское «Не могу молчать!»? Какой смысл имеет та его проповедь против смертной казни, которая привлекла к нему горячие симпатии во всех странах цивилизованного мира!»²⁹. Плеханов сам отвечает на поставленный им вопрос. По его мнению, Толстой не всегда оставался толстовцем. Временами он отказывался от своих принципов, от противопоставления «вечного» «временному». В глазах современников Толстой был великим учителем только тогда, когда он игнорировал свое учение о жизни³⁰.

Противопоставление Толстым «временного» «вечному» привело его к тому, что он одинаково страдал и тогда, когда следовал велениям «вечного», и тогда, когда служил «временному». «В первом случае он сталкивался с жестокостью, с которой не мог помириться; во втором — не мог найти нравственную санкцию для тех услуг, которые он оказывал людям. В обоих случаях он непременно должен был считать себя непоследовательным и слабым в борьбе с соблазнами. И в обоих случаях он должен был тяжело мучиться сознанием своей слабости и непоследовательности». Противопоставление «временного» «вечному» означало разрыв нравственности с жизнью. Это вело за собой неудовлетворенность, так как нравственность, оторванная от жизни, в такой

же мере безнравственна, как и жизнь, утратившая всякое нравственное содержание³¹.

В брошюре «Какова моя жизнь» (1902) Толстой утверждает, что у него теория слилась с практикой, как только ему удалось разрушить в своем сознании софизмы мирского учения. Он понял, что человек, кроме жизни для личного блага, должен служить и благу других людей. Если брать сравнение из животного мира, как это часто делают некоторые люди, пытаясь оправдать насилие в обществе борьбой за существование в мире животных, то сравнение надо сделать с общественными животными, например с пчелами. Человек своей природой призван служить другим людям и общей человеческой цели. Плеханов не согласен с этими суждениями Толстого. Он показывает, что в действительности происходит совершенно обратное тому, что говорит Толстой³². «Как только ему удалось справиться удовлетворительным для него образом с тем, что он считал софизмом мирского учения, так его теория потеряла всякую связь с практикой, а его представление о жизни утратило всякое действительное содержание»³³. Плеханов обращает внимание на то, что у общественных животных сильно развиты «социальные» чувства, которые возникли на почве борьбы за физическое существование. В случае отсутствия этой борьбы не было бы и социальных чувств. Поэтому сравнение, сделанное Толстым, свидетельствует против него. Стремление человека удовлетворить свои физиологические потребности вызывает борьбу за существование. Но человек ведет эту борьбу не в одиночку, а группами. Внутри этих групп создаются нравственные нормы, развиваются общественные настроения и стремления. Многовековая совместная деятельность людей, продолжительное и прочное согласование их общих усилий привели к возникновению альтруизма, т. е. нравственного принципа, заключающегося в бескорыстном служении другим людям, в готовности жертвовать для их блага личными интересами³⁴.

Толстой не понял этой диалектики жизни, как не понимали ее и просветители XVIII в., оказавшиеся не в силах разрешить вопрос о том, откуда взялись у человека нравственные понятия. Ответ на этот вопрос дал лишь диалектический материализм, с которым не был знаком Толстой. Неумение понять диалектику жизни привело

русского писателя к противопоставлению «духа» «телу», «вечного» «временному». Это в свою очередь явилось причиной многих противоречий в его практической деятельности, что крайне тяжело отразилось на его нравственном состоянии. Пример Толстого служит ярким свидетельством несостоятельности идеализма в учении о нравственности³⁵.

* * *

В статье «Карл Маркс и Лев Толстой» (1911) Плеханов обрушивается на эклектиков, готовых объединять общественные стремления и способы действия, между которыми нет ничего общего. Он подчеркивает, что среди эклектиков имеются люди, одновременно сочувствующие как Чернышевскому, проповедовавшему материализм, так и философам идеалистического направления. Находятся и такие, что «дополняют» Маркса Кантом, Махом, Бергсоном и Толстым. Плеханов убедительно доказывает, в чем состоит разница между мировоззрениями Маркса и Толстого. В его понимании они прямо противоположны друг другу. Мирозерцание Маркса представляет собой диалектический материализм. Толстой же был не только идеалистом, но и «абсолютно последовательным» метафизиком. Это обстоятельство явилось главной причиной того, что он остался в стороне от русского освободительного движения. «Абсолютная последовательность» Толстого делала его учение «абсолютно» противоречивым. На вопрос, почему не следует противиться злу насилем, Толстой отвечал, что «нельзя огнем тушить огонь, водою сушить воду, злом уничтожать зло». В данном случае имеет место пример той «абсолютной последовательности», которая характерна для метафизического способа мышления. Только у метафизиков могут приобретать значение такие абсолютные понятия, как зло и добро. Отбрасывая суждения метафизиков, Плеханов отмечает, что уже Чернышевский показал никчемность общих и отвлеченных фраз о добре и зле, доказав, что каждое явление зависит от определенных обстоятельств, от условий места и времени³⁶.

Нравственная проповедь Толстого вела к тому, что он, сам того не желая, переходил на сторону угнетате-

лей народа. Толстой был не только сыном русской аристократии, но и в течение длительного времени являлся ее идеологом. В его романах дворянский быт изображается без идеализации, но все-таки с лучшей стороны. Эксплуатация крестьян помещиками как бы не существовала для Толстого. В этом проявился его своеобразный консерватизм. Даже тогда, когда Толстой стал, наконец, осуждать дворянский быт, он все-таки концентрировал свое внимание на эксплуататорах, а не эксплуатируемых. Страдающие крестьяне занимали его несравненно меньше, нежели дворяне³⁷. «Только привыкнув рассматривать угнетение под углом того нравственного вреда, который оно приносит угнетателям, граф Толстой мог, умирая, сказать своей стране: я не признаю за тобою никакого другого права, кроме права содействовать нравственному исправлению твоих мучителей»³⁸. Толстой направлял основные усилия на то, чтобы нравственно исправить угнетателей. В силу этого обстоятельства он не видел вокруг никого и ничего. Это толкало его в сторону индивидуализма, которым объясняется и страх смерти, сыгравший такую огромную роль в учении Толстого. Толстой доказывал, что смерть не страшна, но делал он это единственно потому, что очень боялся ее³⁹.

Толстой ни разу не пытался ясно определить свое отношение к научному социализму Маркса. Этот социализм попросту был ему мало известен. Однако в книге «Спелые Колосья» содержатся строки, в которых обнаруживается полная противоположность учения Толстого учению Маркса. Здесь наглядно проявляется христианско-аскетический характер воззрений Толстого по вопросу о нравственности. Это — пессимизм на религиозной почве, иначе говоря — религия, основанная на крайне пессимистическом настроении. Маркс, как основоположник научного коммунизма, был далек от мысли, что цель жизни исключает наслаждения. Он показал связь социализма с материалистическим тезисом о нравственной правомерности наслаждения. Однако его учение не носило эгоистического характера, как у идеалиста Толстого. Наоборот, Маркс рассматривал свое учение о нравственности как один из доводов в пользу социалистических требований. Поэтому его приверженцы не могут не возмущаться теми эклектиками, которые призывают

пролетариат жить в соответствии с нравственными проповедями Толстого⁴⁰.

Плеханов пишет, что Толстой противоположен Марксу и в своем отношении к религии. Маркс назвал религию опиумом и считал, что с ее помощью высшие классы стараются усыпить народное сознание. Он утверждал, что уничтожение религии как мнимого счастья народа есть требование его действительного счастья. Толстой же религию считал первым условием действительного счастья. Плеханов отвергает заявление Базарова, что великий русский писатель всегда боролся с верой в сверхчеловеческое начало. В подтверждение своей точки зрения Плеханов приводит следующие слова Толстого: «Важно то, чтобы признать бога хозяином и знать, чего он от меня требует, а что он сам такое и как он живет, я никогда не узнаю, потому что я ему не пара. Я работник — он хозяин». Плеханов подчеркивает, что чем религиознее было мирозерцание Толстого, тем менее совместимо оно было с мировоззрением пролетариата⁴¹.

Значение толстовской проповеди Плеханов видит не в ее нравственной либо религиозной стороне, а в изображении эксплуатации народа, без которой невозможно существование высших классов. Эту эксплуатацию Толстой рассматривает с точки зрения зла, причиняемого ею угнетателям. Толстой проповедует непротивление злу насилием, но в его произведениях имеются страницы, которые побуждают читателей противопоставить реакционному насилию революционную силу. Он считает, что можно ограничиться лишь оружием критики, но эти страницы оправдывают самую резкую критику с помощью оружия. Однако это — лишь небольшая часть написанного им в последние тридцать лет. В основном же все его произведения проникнуты нравственно-религиозной тенденцией и принадлежат к мирозерцанию, совершенно несовместимому с идеологией пролетариата⁴².

Идеологи высших классов одобряли проповедь Толстого, несмотря на то, что она клеймила их недостатки. По мнению Плеханова, это объясняется тем, что Толстой советовал не противиться злу насилием, а эта проповедь советом не пугала эксплуататоров, у них не было никакого основания бояться ее. Сочувствие буржуазии обеспечено всякому умственному течению, проникнутому духом консерватизма, тем более такому, практическая сущ-

ность которого сводится к тезису о «непротивлении злу насилием»⁴³. «Буржуазия... понимает или, по крайней мере, подозревает, что главное зло настоящего времени и есть эксплуатация ею пролетариата. Как же не «преклоняться» ей перед теми людьми, которые твердят: «Никогда не противьтесь злу насилием!». Если бы крыловского кота, похитившего куренка, спросили, кого он считает лучшим «учителем жизни», то он, наверное, «преклонился» бы перед поваром, который, не борясь со злом насилием, ограничился известными восклицаниями: Не стыдно ль стен тебе, не только что людей!.. Кот Васька плут, кот Васька вор... и т. д.»⁴⁴.

Вся проповедь Толстого в течение последнего периода его литературной деятельности опиралась на противопоставление «духа» «телу», «вечного» «временному». Так, в брошюре «К рабочему народу» Толстой говорит о вредности для народа той мысли, что причины его бедственного положения находятся не в нем самом, а во внешних условиях⁴⁵. Он не понимает, что человек есть продукт окружающей его общественной среды⁴⁶.

Понимание Толстым смысла жизни было прямо противоположно тому, к которому пришли русские просветители 60-х гг. Являясь материалистами, они считали большим и вредным заблуждением христианское пренебрежение к плоти. Толстой же, будучи идеалистом, поставил это во главу своей доктрины о нравственности. Вся литературная деятельность Толстого на последнем этапе его жизни подтверждает, что христианские идеи оставили в его душе глубокий след. От них писатель заимствовал аскетический взгляд на человеческую жизнь, с которым не расставался даже тогда, когда склонялся к весьма поверхностному неверию. Между тем Толстой очень любил жизнь во всех ее здоровых проявлениях. И эта любовь к жизни находится в противоречии с христианско-аскетическим ее отрицанием. Это противоречие чувствовал сам Толстой, когда писал свои бессмертные романы. Христианин, в глазах которого земная жизнь человека является лишь этапом на пути в загробный мир, боролся в нем с язычником, которому жизнь эта казалась исполненной смысла. До определенного времени язычник брал верх над христианином. Это выразилось в том, что Толстой с увлечением занимался литературной деятельностью. Однако христианин никогда

не умирал в нем, пока окончательно не победил язычника. Это должно было поставить Толстого в резко отрицательное отношение к его прежней деятельности⁴⁷.

В неопубликованной лекции «Толстой и Герцен» (1912) Плеханов обращает внимание на то, что эти мыслители одинаково нетерпимо относились к тюрьмам, розгам и виселицам. Толстой согласен с утверждением Герцена, что следует не бить преступников, а предупредить их появление. Вопрос, однако, заключается в том, каким путем предупредить. Здесь и начинается чрезвычайно существенное разногласие. Герцен считает, что причина преступности заключается в плохом устройстве общественных отношений. Толстой не утверждает, что царство божие внутри вас. Один призывает к переустройству общества, а другой — к нравственному совершенствованию. Когда Герцен требовал переустройства общественных отношений, он вовсе не проявлял равнодушия к нравственному развитию личности. Наоборот, согласно этой теории, переустройство общества есть средство ее всестороннего развития. Кроме того, чем энергичнее человек ведет борьбу за осуществление своего общественного идеала, тем выше поднимается он по лестнице нравственного развития. Следовательно, мнимую антиномию — или общественное переустройство, или нравственное улучшение личности — надо отвергнуть, как нелепое измышление людей, совершенно не разбирающихся в предмете спора. И в том, и в другом случае цель заключается в усовершенствовании отдельных лиц, из которых состоит общество. Разница заключается лишь в средствах, необходимых для осуществления этой цели: социальная реформа, социальная революция, или же повторение старых заповедей — не убий, не укради, не пей вина, не кури и т. д. Социалисты, а с ними и Герцен, склонялись к переустройству общественных отношений, Толстой же уповал на заповеди. Поэтому, несмотря на частичное совпадение взглядов, его учение являлось полной противоположностью социализму⁴⁸.

Сопоставляя воззрения Толстого и Герцена, Плеханов отмечает, что царство, привлекавшее к себе Толстого, было не от мира сего, а лишь одна из разновидностей фантастического небесного царства. Герцен же стремился основать счастливое царство на земле, охотно предоставляя небо ангелам. Толстой не понимал пафоса ре-

волюционной борьбы. Герцен же прекрасно понимал его, хотя и предпочитал мирный путь развития. Когда началось польское восстание, вызвавшее кровавые репрессии со стороны царского правительства, Герцен в отличие от Толстого не считал одинаково виноватыми обе стороны. Он понимал, что за все это несет ответственность царское правительство. Слова искреннего сочувствия, с которыми Герцен обращался к польским революционерам, — замечательные стихотворения в прозе⁴⁹.

В июне 1912 г. Плеханов опубликовал рецензию на книгу В. Я. Богучарского о Герцене. В ней он отвергает утверждения «веховцев» о том, что Герцен, подобно Толстому, выступал проповедником «непротивления злу»⁵⁰. По его мнению, Герцен оказался недоступным для влияния на него «сущности христианства». «В этом он не *уподоблялся* Пушкину, Достоевскому, Толстому и другим веровавшим писателям, а *отличался от них*. Это тем более необходимо было отметить, что теперь через нашу литературу проходит мистическая струя, вносящая огромную и крайне вредную путаницу в умы читателей: доказательство — многочисленные «религиозные искания» наших дней. Так всегда бывает в эпоху реакции: теряя реальную почву под ногами, добрые, но слабые люди стараются утешить себя верой в существование «другой» почвы над их головами»⁵¹.

В заметках к статьям о Толстом Плеханов отмечает, что великий русский писатель был недоволен существующими порядками. Только в этом и заключалось общее между ним и социалистами. Однако социал-демократы не могли называть Толстого своим учителем. Они заявляли, что тот, кто проповедует непротивление злу насильем, не может являться их учителем. В обществе слишком много зла и оно должно быть устранено путем насильственных действий⁵². По словам Плеханова, «сопротивление необходимо. Довольно мы врагов любимы»⁵³. В письме В. В. Водовозову (22 июля 1908 г.) Плеханов пишет, что хотя он и бесконечно высоко ставит Толстого как художника, но не разделяет его общественные взгляды⁵⁴.

В «Письмах без адреса» Плеханов критикует точку зрения Толстого, считающего, что представления людей о нравственных нормах и поступках определяются их религиозным сознанием. По мнению Плеханова, пляски

первобытных народов выражают чувства и действия, которые имеют существенное значение в их жизни. В огромном большинстве случаев они находятся вне всякой связи с первобытной религией. Утверждение Толстого ошибочно даже по отношению к средневековым католическим народам, у которых связь религиозных представлений с практической моралью была несравненно прочнее и охватывала гораздо более широкую область. Но и у них представление о том, «что дурно и что хорошо» далеко не всегда диктовалось религиозным сознанием, вследствие чего чувства, получившие выражение в искусстве, часто не имели никакого отношения к религии⁵⁵. В «Конспектах лекций по искусству», касаясь гимнастических танцев, Плеханов пишет: «Замечание Толстому. Тут в искусстве выражается взгляд людей на то, что хорошо и что дурно, но, вообще говоря, эти взгляды *нерелигиозные*»⁵⁶. Лишь со временем, когда духовенство стало господствующим классом, общественные взгляды людей окрашиваются религиозным сознанием⁵⁷.

Статьи Плеханова о Толстом оказали в свое время положительное влияние на развитие общественной мысли в России. Плеханов анализировал и характеризовал творчество великого писателя в свете важных проблем общественно-политической и культурной жизни. Он вскрывал противоречия в учении Толстого, выяснял их причины. Критика Плехановым толстовства, религиозно-утопического направления в общественной мысли России конца XIX — начала XX в. имела прогрессивное значение. Реакционные круги русского общества пытались использовать консервативные стороны воззрений Толстого в борьбе против революционного движения. Буржуазные публицисты объявили его учителем человечества. Различные оппортунистические и ревизионистские элементы из среды социал-демократов положительно оценивали слабые стороны мировоззрения русского писателя. Нашлись «социалисты», которые пытались «дополнить» учение Маркса воззрениями Толстого. Плеханов отвергал всякую идеализацию учения Толстого, резко выступал против проповеди смирения и непротивления злу насилем, считал неосуществимым стремление толстовцев преобразовать общество путем религиозно-морального самоусовершенствования людей. В. И. Ле-

нин одобрительно отозвался о критике Плехановым приверженцев религиозно-философского учения Толстого. В письме к А. М. Горькому от 3 января 1911 г. В. И. Ленин писал: «Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись»⁵⁸.

В суждениях Плеханова о Толстом наряду с правильными выводами и оценками содержатся и ошибочные положения. При анализе мировоззрения и творчества русского писателя Плеханов исходил не столько из конкретно-исторических факторов, сколько из абстрактно-логических категорий. Он характеризовал Толстого как мыслителя и художника, оторванного от современной ему действительности, не анализировал его мировоззрение и творчество с точки зрения борьбы классов эпохи подготовки первой русской революции. Утверждая, что Толстой до конца жизни остался барином, он, по существу, отрицал связь его творчества с революционным движением народных масс. Плеханов отрывал эстетические воззрения Толстого от его этических взглядов, искусственно делил его на две части: на художника, любящего жизнь, и на мыслителя, придерживающегося норм и принципов аскетической морали. Всячески восхваляя первого, он резко отрицательно отзывался о втором, фактически поддерживая концепцию о «двух Толстых», получившую широкое распространение в русской и зарубежной печати. Эта концепция не имеет под собой научной основы. Толстой оставался мыслителем не только в своих религиозно-философских трактатах, но и в художественных произведениях.

Еще в 1901 г. В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса» отметил, что Толстой был глупым наблюдателем и критиком буржуазного строя, несмотря на реакционную наивность его теории⁵⁹. В статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908) В. И. Ленин пишет о наличии вопиющих противоречий в произведениях, взглядах и учениях Толстого. С одной стороны, это — гениальный художник, а с другой — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, — сильный и искренний протест против общественной лжи и фальши, беспощадная критика капиталистической эксплуатации и разоблачение правительственных насилий,

а с другой — проповедь «непротивления злу» насилем. С одной стороны, — самый трезвый реализм, а с другой — проповедь религии, культивирование самой утонченной поповщины. Противоречия во взглядах Толстого отражают те противоречивые условия, в которые исторически было поставлено крестьянство ко времени наступления буржуазной революции в России⁶⁰. «Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка»... Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости»⁶¹.

Подобные мысли В. И. Ленин высказывает и в статье «Л. Н. Толстой» (1910). Он отмечает, что великий русский писатель в ряде гениальных произведений сумел передать настроение широких угнетенных масс, выразить стихийное чувство их протеста против существующих порядков. Принадлежит главным образом к эпохе 1861—1904 гг., Толстой воплотил в своих произведениях (и как художник, и как мыслитель) черты исторического своеобразия первой русской революции, ее силу и слабость⁶². В. И. Ленин пишет: «Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную и дореволюционную эпоху»⁶³.

В статье «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» (1910) В. И. Ленин снова отмечает, что главная деятельность писателя приходится на тот период русской истории, который лежит между ее двумя поворотными пунктами: между 1861 и 1905 годами. После 1861 г. старая патриархальная Россия стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Эта ломка всех старых устоев России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя⁶⁴. В. И. Ленин подчеркивает, что Толстой написал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего

мира. В качестве мыслителя Толстой поставил ряд вопросов, имеющих отношение к основным чертам современного ему политического и общественного устройства⁶⁵. В статье «Толстой и пролетарская борьба» (1910) В. И. Ленин пишет, что Толстой бичевал господствующие классы, разоблачал ложь учреждений, на которых держится буржуазное общество. Однако учение Толстого оказалось в полном противоречии с жизнью и борьбой пролетариата⁶⁶. Поставив вопрос: чья же точка зрения получила отражение в проповеди Толстого, В. И. Ленин отвечает: «Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая *уже* ненавидит хозяев современной жизни, но которая *еще* не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними»⁶⁷.

В статье «Л. Н. Толстой» В. И. Ленин осуждал либералов за то, что на первый план ими был выдвинут тезис: Толстой — «великая совесть». По мнению В. И. Ленина, этой пустой фразой они обходят те конкретные вопросы демократии и социализма, которые были поставлены Толстым. Либералы прежде всего проявляют интерес к тому, что в Толстом принадлежит прошлому, а не будущему. Они приветствуют отрицание Толстым политики и его проповеди нравственного самосовершенствования, а не бурный протест против всякого классового господства⁶⁸.

В. И. Ленин критикует всех, кто пытается свести воззрения Толстого к христианскому анархизму. «Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейско-классового государства общежитие местообщных и равноправных мелких крестьян — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов»⁶⁹. Как утверждает В. И. Ленин, мировое значение Толстого как художника, его мировая известность как мыслителя по-своему отражают мировое значение русской революции⁷⁰. Таким образом, В. И. Ленин в отличие от Пле-

ханова показал связь Толстого с народом, с русской революцией.

В наши дни мировоззрение и творчество Толстого по-разному трактуются и оцениваются идеологами различных партий и общественных группировок. Буржуазные ученые, как правило, тенденциозно освещают его общественно-политические, философские, этические и эстетические взгляды. Они игнорируют тот факт, что русский писатель откликался на самые острые и важные события современности, протестовал против социального неравенства и гнета, критиковал капиталистические порядки, неизменно выступал как убежденный и стойкий поборник мира. Многие буржуазные идеологи замалчивают и то, что общественная и литературная деятельность Толстого была проникнута демократизмом и гуманистическими идеями.

На Западе имеется немало мыслителей, которые продолжают отстаивать версию о наличии «двух Толстых» — великого художника и «слабого» мыслителя. С этим нельзя согласиться. Литературное творчество Толстого и его общественно-политические и философские идеи рассматриваются В. И. Лениным в диалектическом единстве. Отмечая сильные и слабые стороны Толстого, В. И. Ленин имеет в виду и гениального художника и крупного мыслителя.

Толстой относится к числу величайших и наиболее широко известных писателей всех времен и народов. Его произведения издаются колоссальными тиражами. Идеи Толстого имеют мировое значение. Оно связано с борьбой передовых сил общества за демократию, прогресс и гуманизм.